

ДУХОВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ БОЛЬШИХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В последнее десятилетие в современной психологической науке интенсивно развивается макропсихологический подход [9, 17 и др.], в рамках которого рассматриваются явления, имеющие существенное значение для развития общества в целом, например, глобальные вызовы и угрозы [13, 15]. Анализу возникновения и активности глобальных террористических организаций, например, Аль-Каиды и ИГИЛ¹, посвящены исследования социологов, психологов и политологов, ведутся дискуссии в СМИ, предлагаются варианты противодействия [см.: 10, 16, 18].

Невозможно отрицать, что современный терроризм так или иначе опирается на религиозные концепции, в частности, на определенные версии Ислама. В связи с этим актуальным становится анализ исламской религии и исторического пути мусульман, которые могут выступать основаниями для радикальных идей, а также поиск релевантных проблеме теоретических подходов к изучению психологических причин этого глобального явления, например, через обращение к психологии больших социальных групп и психологии коллективного субъекта [3, 4, 5].

Впервые термин «религиозный терроризм» прозвучал на международной конференции «Европа-2000» (Франция, 1998 г.). Радикалы прошлого, например, Ирландская республиканская армия, отражая религиозные противоречия региона, во главу угла ставила борьбу за национальную независимость, оставаясь частью системы, которую стремилась изменить. Спецификой современного терроризма стало устрашение населения в странах проведения акций, без выдвижения политических требований. Движущей силой таких организаций становятся именно радикальные религиозные идеи, объекты их нападения непредсказуемы, а цель – разрушение основ мироустройства [10]. Основания для таких злоупотреблений – «представления о национально-религиозном превосходстве и исключительности, абсолютизация и сакрализация этноконфессиональной идентичности, нетерпимость к любым иноэтническим и инорелигиозным проявлениям», а источниками – «былая межрелигиозная и межконфессиональная вражда» [10, с. 31].

Таким образом, на рубеже XX-XXI вв. возникла опасная тенденция отождествления Организации, запрещенные на территории Российской Федерации решением Верховного суда.

вления терроризма с исламом. Однако эта идея не соответствует действительности. Последователями традиционного ислама являются около 1 млрд. 189 тыс. человек в разных регионах мира [2], Ислам как мировая религия внес неоценимый вклад в мировую цивилизацию [16], а в России проживает порядка 20 млн. мусульман, имеющих многовековой опыт совместного мирного проживания с христианами, и отождествление терроризма и ислама может оказаться губительным для России.

Вместе с тем Ислам как религия имеет черты, дающие основание использовать их как духовное и религиозно-психологическое оправдание борьбы с неверными. Так, после распада СССР сократились сферы его геополитического влияния, которые стали использоваться Западом для усиления и активизации психоисторического противостояния с Россией [7]. С этой целью использовались различные инструменты, например, ваххабизм как наиболее радикальное, в первую очередь, политическое и только во вторую – религиозное течение.

Ответ на вопрос о связи ислама и экстремизма требует анализа специфики ислама, личности мусульманина и мусульманского общества как предпосылок для создания глобальных антитеррористических технологий. Для понимания роли Ислама в развитии мирового сообщества целесообразно соотнести основные положения мусульманства, иудаизма и христианства [14].

Во всех трех религиях Бог предстает абсолютным и трансцендентным началом, но по-разному соотносящимся с личностью человека. В иудаизме и христианстве человек создан по образу и подобию Бога и является вершиной его творения и главным достижением. Бог имеет связь с человеком через личное обращение к целому народу (иудаизм), и воплощение во Христе, Слове Божьем (христианство). В Исламе Бог также является абсолютным, но уже абстрактным и отдельным от человека, который создан в соответствии со своей собственной природой, не соотносящейся с божественным началом.

Отмечается, что непреодолимая граница между человеком и Богом в Исламе сформировала бессубъектное мышление, привело к снижению ценности индивидуальных достижений, самостоятельности и развития. Путь мусульманина – это ортопраксия – правильное «делание», обрядовое служение Богу, прославление и утверждение Его в определенном порядке – шариате. В связи с этим Ислам является в первую очередь религией общественной и политической, в которой основное внимание уделяется переживаниям верующих. Если неправильное поведение для христианина – грех, который можно осмыслить, замолить, искупить, то для мусульманина – юридическое правонарушение.

Требует упоминания и еще одна черта мусульманской ментальности – это нетерпимость ко всему отличному от мусульманского (в наше время, в первую очередь, к западным ценностям), которая является чувствительным местом для активизации агрессивных настроений. Не считая рационализма, индивидуализма и либерализма, которым обеспечено фундаментальное неприятие мусульман, западное общество дает все больше оснований для экстремистских реакций по отношению к себе, постоянно расширяя границы дозволенного в обществе.

Вышесказанное позволяет характеризовать коллективную субъектность

мусульманского сообщества как большой социальной группы (БСГ) [4, 5].

БСГ может быть приписано качество субъектности на основе признаков коллективного субъекта – взаимосвязанности и взаимозависимости членов группы, их совместной активности, саморефлексивности, способности к саморазвитию, связанных с внутригрупповыми процессами – осмыслением собственных проблем, потребностей, интересов и т.д. Активные, саморазвивающиеся БСГ, способные к рефлексии и саморефлексии, то есть осознающие собственную историю, актуальные условия своего существования и активно взаимодействующие с различными проблемными внутригрупповыми процессами, могут являться основой перспективного развития общества [9, 14, и др.]. В литературе описаны также различные проявления субъектности группы – потенциальная субъектность, субъектность как совместная активность (или реальная субъектность) и развитая субъектность как групповая саморефлексивность [3].

Разделенность Бога и человека в исламе означает, что мусульманин лишен имманентной, присущей изначально, субъектности, его личность принадлежит обществу с его правилами и законами, а индивидуальная субъектность (активность, самодерминация, самодеятельность, самоорганизация) [1; и др.], блокирована их строгостью и ригидностью. Однако несмотря на отсутствие или значительный дефицит индивидуальной субъектности, мусульманскому сообществу свойственны, тем не менее, практически все признаки коллективного субъекта, а их специфика позволяет говорить о существовании особого типа коллективной субъектности.

В одной из прошлых работ [7] было сформулировано предположение, что субъектность БСГ можно рассматривать как ресурс психологического благополучия общества. В связи с тем, что факторы, влияющие на уровень субъектности БСГ: общественно-политический строй, актуальная общественная ситуация, традиции совместных действий, стойкая историческая память, опыт совместной активности и система взглядов, внедряемых в групповое сознание [5], уникальны для различных групп, в русле проблемы терроризма может быть выдвинуто предположение, что субъектность БСГ не всегда может выступать в качестве ресурса благополучия, поскольку понимание самого благополучия и путей его достижения в различных социальных общностях может значительно различаться.

Рассмотрим соответствие характеристик мусульманского сообщества критериям коллективного субъекта.

Ислам, задавая четкие жизненные правила, создает единое для мусульман разных этнических групп и стран мироощущение, позволяющее говорить об исламе и исламской цивилизации как о синонимах. Мусульманам присуща высокая преданность религии, для них отказ от своей религии считается преступлением. Совместность мусульман как принадлежность одному общему делу – служению Аллаху – составляет суть этой религии и смысл жизни мусульман (взаимосвязанность и совместная активность членов БСГ). Мусульмане осознают общее отношение к вещам, людям, обществу, природе, и убеждены в правильности этого отношения. Но для современного мироощущения мусульман свойственно разочарование, поскольку судьбу мира определяют неверные по чуждым прави-

лам. Отсюда вытекает вывод о необходимости распространения Ислама. Провал проектов национальных государств, построенных по светским правилам, и необходимость возврата к халифату, построенному по религиозным правилам, имеет ту же религиозную природу (саморефлексивность членов БСГ). Поскольку в индивидуальной субъектности мусульманина вектор движения внутрь себя минимален, потребность в развитии и обретении собственной уникальности, то представляется, что эта характеристика отсутствует и в коллективном субъекте. Это усиливает уровень другого направления развития – вовне, то есть экспансии и утверждения собственных ценностей во всевозможных иных группах. В религиозном контексте – это движение в сторону всемирного халифата, в экономическом – массовая миграция (саморазвитие БСГ).

Таким образом, субъектность мусульман как БСГ питается чувствами, связанными с необходимостью противодействия несправедливости ситуативного развития мира, противодействием навязываемым ценностям западной культуры, отстаиванием собственных традиций. При высоком уровне целостности и интегрированности этого коллективного субъекта, он фрустрирован как собственными внутренними религиозными ограничениями, которые, однако, таковыми не воспринимаются ими, так и внешним политическим давлением. В связи с этим субъектности мусульманского сообщества свойственна высокая напряженность и готовность к действию, которые могут быть реализованы под влиянием внешней, заинтересованной в таком поведении стороны.

Необходимо также назвать и противоречия в организации мусульманского сообщества, определяющие его субъектность. Несмотря на то, что мусульмане едины в своей приверженности Корану, мусульманское общество является децентрализованным из-за равноправия религиозных школ. Отсутствие единых авторитетов делает сообщество уязвимым для произвольной внешней детерминации, и ничто не мешает обратиться к самым радикальным положениям Корана и провозглашать джихад, спекулировать этим понятием, например, интерпретируя культурную экспансию Запада как реальную агрессию (пример – ваххабизм).

Таким образом, основными характеристиками субъектности мусульман как БСГ являются целостность при высоком уровне психологического напряжения, неразрешимые внешние трудности в достижении собственных целей и мировоззрение, основанное на отрицании чужих ценностей.

Террористическая угроза является глобальной не только в связи с широким распространением этого явления, но и потому, что ригидная ментальность и образ жизни мусульман столетиями сталкивались с желанием их трансформировать при непонимании реальных потребностей и возможностей конкретных людей. В связи с этим субъектность радикального мусульманского сообщества получила развитие, представляющее проблему и для инородных цивилизаций, и, в первую очередь, для самой себя. Дискуссия экспертов не выглядит недостаточно содержательной.

Во-первых, необходимо осознание специфики самоидентификации этой БСГ, ее чувства «мы» и представления об основных социальных институтах: политического устройства государства, юридических норм, семьи, образования.

Представляется, что до сих пор этому сообществу предлагались не столько чуждые, сколько непонятные для его ментальности категории. Западной, христианской цивилизации необходимо принять это противоречие и построить новую систему представлений о мусульманах и новую модель взаимодействия с ними. Это может представлять собой не меньшую по масштабам проблему. Но при этом, западное общество не менее зависимо от своих «колониальных паттернов». Использование населения мусульманских стран при достижении своих геополитических интересов психологически сопровождается для носителей западной культуры чувством вины и последующим заигрыванием с ними, что вызывает раздражение и соответствующее реагирование [6].

Во-вторых, необходим анализ динамики самоидентичности мусульман, оказывающихся в условиях западного общества. Миграция и утрата отечества размывают прежнюю идентичность, а на построение новой требуется время. Лишившись связи с общиной, перед которой они несут ответственность, теряются и нормы поведения [8]. Вторые поколения мигрантов, среди которых наиболее часто рекрутируются исполнители терактов, пережив вместе с родительской семьей опыт такой идентификационной потери и не найдя общих смыслов с новой страной, возвращаются к своим корням в самой радикальной форме. Таким образом, сохранение первоначальной и построение новой идентичности является главной проблемой социокультурной интеграции [11], лежащей в основе современного мигрантского кризиса. Как бы критично не относиться к СССР, но значительное число общих символов, образующих наше коллективное сознание, являются основой более мирного межнационального сосуществования на постсоветском пространстве [12].

В-третьих, решение проблемы миграции и глобальной террористической угрозы лежит также в создании условий для саморазвития мусульман как БСГ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К.А. Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 34-50.
2. Жданов Н. Исламская концепция миропорядка. М., 2003. 568 с.
3. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 51-81.
4. Журавлев А.Л. Большие социальные группы как субъекты: возможности исследования // Личность и бытие: субъектный подход. Материалы научной конференции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. С. 312-315.
5. Журавлев А.Л., Емельянова Т.П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Том 30. № 3. С. 5-15.
6. Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России // Обще-

ственные науки и современность. 2014. № 6. С. 123-140.

7. Ковалева Ю.В., Соснин В.А. Психоисторическое противостояние Запада и России в XXI веке: социокультурные и социально-психологические детерминанты [Электронный ресурс] // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т.2. №1(5). С. 119-142. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document317.pdf> (дата обращения: 06.04.2017).

8. Коломиец Г.Г. Национальное достоинство и утопия этического симбиоза // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 5 (193). С. 31-35.

9. Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. 352 с.

10. Миронова О.А. Религиозный и этно-религиозный терроризм как один из видов современных угроз национальной безопасности государства // Общество: политика, экономика, право. 2015. №4. С. 29-31.

11. Наумкин В.В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств // Восток (Oriens). 2014. № 4. 5-20.

12. Попов М.Е. Ценностно-мировоззренческие основания социокультурной интеграции как способа разрешения этнических противоречий // Мировоззренческие основания культуры современной России: сборник материалов VII Международной научной конференции. Выпуск. Магнитогорск: ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2016. С. 249-255.

13. Психологическое исследования глобальных процессов: предпосылки, Тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 448 с.

14. Соснин В. А., Нестик Т. А. Современный терроризм: социально-психологический анализ. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 240 с.

15. Социально-психологическая оценка рисков реальности: очевидное и вероятное. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. 113 с.

16. Тодуа З. Экспансия исламистов на Кавказе и в Центральной Азии. М.: Изд-во «ИН-ОКТАВИО», 2006. 269 с.

17. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Количественная оценка психологического состояния современного российского общества // Современная социальная реальность России и государственное управление: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2012 году. В 2-х т. Том 1. М.: ИСПИ РАН, 2014. С. 92-100.

18. Falk O., Morgenshtern H. (Eds.). Suicide terror: understanding and confronting the threat. N.J.: John Willey Sons, Inc., Hoboken, 2009. 397 p.